

Рекрутская повинность в России в XIX в. на примере Вологодской губернии

Ф.Н. Иванов

Российские вооруженные силы в XIX в. комплектовались в условиях сословного общества, что при наборе в войска рекрутов требовало от государства учитывать особенности социального статуса и хозяйственно-бытового уклада всех категорий податного населения. Особое место как по своей численности, так и по сословному статусу занимали помещичьи крестьяне. В ходе рекрутских наборов государство было вынуждено взаимодействовать с помещиками, и изучение этого взаимодействия необходимо для воссоздания более полной истории рекрутской повинности в России. Между тем, в научной литературе такому взаимодействию отводится недостаточно внимания. Основные усилия историков сосредоточены на исследовании двух слабо связанных в историографической традиции проблем — системы комплектования войск Российской империи и рекрутской повинности как части системы феодальной эксплуатации крепостного крестьянства. Историки, разрабатывающие проблемы комплектования российских вооруженных сил в XVIII—XIX вв., указывают на то, что крепостное право тормозило развитие русской армии, не позволяя ни увеличивать численность кадровых частей в мирное и военное время, ни создавать военно-обученный запас, поскольку попытки правительства увеличить нормы набора рекрутов вызывали у дворянства недовольство¹. В работах, выполненных в рамках второго направления, на основе материалов вотчинных архивов раскрываются проблемы рекрутской повинности крепостных крестьян в отдельных имениях и регионах страны². Вопросы взаимодействия государства и помещиков, организации государством рекрутской повинности в крепостной деревне в историографии специально рассмотрению не подвергались. В данной работе предпринята попытка восполнить этот пробел. Выбор в качестве примера Вологодской губернии объясняется тем, что на ее территории действовали те же правила подготовки и проведения рекрутских наборов, что и по стране в целом. Кроме того, взаимодействие государства и помещиков происходило именно на губернском уровне. На наш взгляд, выводы, полученные на основе материалов по Вологодской губернии, могут быть использованы и для характеристики общероссийских процессов.

Иванов Федор Николаевич — доцент кафедры Истории России, этнографии и археологии Сыктывкарского государственного университета.

В XVIII—XIX вв. в России государственная политика в сфере рекрутской повинности реализовывалась через специальный механизм преобразования военно-организационных мероприятий в повинность податного населения — выставлять рекрутов. Этот механизм, имевший название «система раскладки рекрутской повинности», обеспечивал государственной власти требуемый баланс между интересами строительства вооруженных сил и социально-экономическим развитием страны. Система раскладки рекрутской повинности имела трехзвенную структуру — распределение повинности по государству, по рекрутским участкам, в самих участках («практическая раскладка»). Государство в течение XVIII—XIX вв. постепенно брало эту систему под контроль, увеличивая активность и расширяя свои полномочия на всех уровнях.

Значительные перемены в раскладке рекрутской повинности произошли во второй половине 1770-х годов. Во-первых, вместо временных рекрутских участков, которые еще с Петровских времен образовывались каждый раз заново перед набором, были введены постоянные участки стандартной численности — «пятисотские», то есть состоящие из 500 ревизских душ м.п. По-видимому, первоначально они также организовывались перед каждым набором, и только через некоторое время стали образовываться только один раз — после проведения ревизии и оставались неизменными до окончания новой «народной переписи». Правда, в ходе войн в особо тяжелых условиях (например, в 1812 г.) происходили отступления от правил, и вместо «пятисотских» участков создавались временные из меньшего числа ревизских душ. Во-вторых, рекрутов с податных сословий теперь требовалось собирать «с каждых особо». Изданное в 1785 г. «Учреждение для управления Всероссийской империей» существенно упорядочило подготовку и проведение рекрутских наборов. Рекрутские дела в «новоучреждаемых губерниях» стали подведомственными 5-м (ревизским) экспедициям губернских казенных палат и были поставлены под «рачительный контроль» генерал-губернаторов. Сбор рекрутов было предписано производить в специальных отдельных присутствиях при казенных палатах. Кроме того, губернские правления были обязаны «доставлять в Сенат ... ведомости, с показанием, которое селение за которым должно ставить рекрут по очереди». Таким образом, в отношении государственной и удельной деревни, а также мещан в конце 70-х гг. XVIII — начале XIX в. был достигнут заметный успех — распределение повинности по участкам стало более упорядоченным, что облегчало государству военное планирование и набор людей на службу. Эту же цель правительство преследовало и в отношении крепостного крестьянства. Однако, здесь было необходимо учитывать интересы помещиков, в деятельность которых по отбору новобранцев из числа своих крепостных государство предпочитало не вмешиваться.

В первой трети XIX в. взаимоотношения помещиков и государства в сфере рекрутской повинности строились на основе положений Генерального учреждения 29 сентября 1766 г., дополненных указами 20 июля 1770 г., 2 сентября 1771 г., 19 сентября 1776 г. и 2 октября 1798 года³. В соответствии с ними помещики были обязаны отдавать рекрутов из числа своих крепостных крестьян и дворовых людей. После объявления манифеста о рекрутском наборе предводители дворянства в каждой губернии за месяц до его начала должны были собираться и решать, сколько рекрутов предстоит собрать с помещичьих крестьян. Так, в 1818 г. в Вологодской губернии, где насчитывалось 89 383 помещичьих крестьянина и 360 дворовых людей, всего 89 743 человека, следовало собрать 359 рекрутов⁴.

Затем предводители дворянства вычисляли размер так называемой «натуральной помещичьей дачи», то есть участка с численностью населения, достаточной для выставления одного рекрута (Z). Использовалась формула:

$Z = V:A$, где Z — численность крепостных крестьян и дворовых людей для «натуральной помещичьей дачи», V — общая по губернии численность крепостных крестьян и дворовых людей; A — число рекрутов, которых должны были выставить помещики со своих имений. В нашем случае Z равнялся 250 ревизским душам. Понятно, что от набора к набору участки помещичьих крестьян изменялся, то есть создававшиеся участки были временными, как в начале XVIII века. В военное время армии требовалось больше новобранцев, и рекрутов набирали с участков меньшей численности, например, в 1809 г. 1 рекрута брали с каждых 100 душ м.п.⁵

Временный рекрутский участок («натуральная рекрутская дача») мог состоять целиком из крестьян одного большого имения, либо составлялся из нескольких имений. Часто в одной «даче» оказывались крестьяне из одного — двух средних поместий и приписанные к ним отдельные ревизские души из других поместий. Помещики, имения которых составляли участок, были обязаны тянуть жребий. Тот, кто его получал, должен был выставить рекрута, а остальные платили ему «складочные деньги», которые в 1766 г. составляли 120 рублей за одного рекрута (в дальнейшем эта сумма увеличивалась)⁶. С 1770 г. дворяне, «кои на целого рекрута неполное число душ имели», получили право составлять «полюбовные» жребии — «кто с кем похочет». Один помещик ставил рекрута, другие платили ему складочные деньги; в следующий набор этот помещик уже имел право платить деньги, не выставляя рекрута. Жребий теперь тянули другие, и так до тех пор, пока не оставалось в составе «дачи» одно поместье, не выставлявшее ранее рекрута. Мелкопоместные дворяне, у которых было менее 20 крепостных, также участвовали в отправлении рекрутской повинности. Их имения входили в состав «рекрутских дач», но от поставки «натурального» рекрута они были освобождены и были обязаны платить «складочные деньги». Дворяне получили право избирать «комиссаров» для сбора складочных денег.

Правда, эти послабления, дарованные помещикам с целью облегчения для их хозяйства рекрутской повинности, привели к путанице при раскладке и росту злоупотреблений. Составление жребиев в Вологодской губернии производилось с большими затруднениями⁷, поскольку местное дворянство было в основной своей массе мелкопоместным. Как писали в 1809 г. в своем представлении «господа уездные предводители дворянства» предводителю губернскому Ф.М. Резанову — «...не только по три или четыре дачи вместе полюбовную складку составлять не могли, но и по две дачи для каждого жеребья недоставало». «...Поэтому, как в течение нескольких наборов до того, так и в предстоящий ... по такому ошутительному недостатку жеребьевых дач, не быв в возможности предоставлять собственно на волю самим помещикам составлять из себя жеребьи, назначали сами предводители, а по сим их назначениям и доходило до того, что вместо третьей части мелкопоместных, составляли сии последние две, даже и три трети в жеребью: что подтверждается росписанием прошедшего набора, в который к 8325 жеребьевым душам приписано мелкопоместных в складку наместо 3-й части 10 775 душ, а напротив того... жеребьевые дачи не только из 40 душ, но даже из 20 не с большим состоящие обязаны были в оба последние набора ставить рекрут подобно натуральным дачам, получая к себе в приписку одних мелкопоместных ... многие и в сей [набор] не остались от поставки свободными, из чего и следовало, что повинность время от времени упала на жеребьевые дачи, наконец составила такой счет, что некоторые из оных ставили рекрут от 10 или 15 душ...». Предводители также опасались, что при таких условиях дворяне не смогут выставить всех рекрутов, требуемых с их крестьян, и просили вологодского гражданского губернатора К.И. Линемаша походатайствовать о

разрешении мелкопоместным помещикам внести в казну складочные деньги вместо натуральных рекрутов. Линеман согласился с мнением «господ предводителей» о «самой необходимости сей меры» и «представил» свои соображения на рассмотрение в министерство внутренних дел, из которого вскоре пришел положительный ответ⁸.

Как видно из документа, предводители дворянства в Вологодской губернии, чтобы исполнить рекрутский набор, были вынуждены систематически нарушать нормы, предписанные указом 2 сентября 1771 года. Их действия наносили ущерб помещичьим хозяйствам, особенно мелкопоместным. Это вызывало недовольство помещиков, жалобы которых регулярно попадали на стол губернатора и доходили даже до Правительствующего Сената. Например, в 1825 г. помещиками было подано 37 прошений об освобождении их от поставки рекрутов. Большая путаница возникала и от того, что помещики активно пользовались своим правом составлять «полюбовные жеребьи», от чего получалось, что предводители составляли и отправляли в инстанции расписание с одними сведениями, а на практике они оказывались совсем другими. Впрочем, иногда составить расписание вовремя не получалось⁹.

Складочные деньги помещики зачастую или не платили совсем или платили, но сведения о поступлении этих денег часто не доходили до казенной палаты. Как указывал в своем предписании 30 сентября 1809 г. министр внутренних дел А.Б. Куракин, «из ведомостей, ... доставляемых от господ начальников губерний, усмотрено, что во многих губерниях довольно в значущем количестве накопились недоимки складочных рекрутских денег и взыскиваются весьма медленно так, что и в иных губерниях недоимка сия чрез несколько лет остается все почти в одинаковом положении и несколько не уменьшается, но, напротив того, при каждом наборе более и более возрастает». Министр сообщил также, что теперь складочные деньги «непременно» следовало сдавать в рекрутское присутствие в то же время, когда туда представлялся и «натуральный» рекрут, и требовал, «...чтобы местное начальство наблюдало, дабы обязанность сия была выполнена как следует с таковою же точностию и ревностию, как и взыскание рекрута натурой...». Но «местное начальство» не сумело проявить должной «ревности». Еще сложнее обстояло дело с «точностью»: губернские органы власти даже не знали точную сумму недоимки по складочным деньгам. К примеру, в 1814 г. вологодский гражданский губернатор И.И. Винтер был вынужден предписать губернскому предводителю дворянства П.Я. Чернавскому «... принадлежащие по наборам складочные деньги вообще привести в полнейшую известность, открыв те количества, кои действительно в недоимке должны почитаться и те, кои могли уже донныне поступить от владельцев, но необращены еще в раздачу ставившим рекрут»¹⁰.

Однако больших успехов в борьбе с неплатежами достичь так и не удалось, и 21 января 1824 г. в Вологодской губернии для более успешного сбора с помещиков складочных денег по предписанию министра внутренних дел был образован специальный комитет. Однако к тому времени ситуация усугубилась. Казенная палата, которой уездные предводители дворянства отдавали книги учета внесенных помещиками складочных денег для проверки, отказывалась их возвращать. В то же время палата взыскивала эти деньги после наборов и раздавала их «... претендателям без всякого посредства и ведома гг. предводителей». Более того, помещики, разуверившиеся в способности государства обеспечить их интересы, стали расплачиваться друг с другом сами, никого не ставя в известность. В итоге члены комитета пришли к решению собрать сведения об уплате рекрутских складочных денег и о задолженности по ней, чем и пришлось заниматься уездным предводителям дворянства в течение 1825 года. В итоге выяснилось, что общая сумма неплатежей по Вологодской губер-

нии была сравнительно небольшой — 24 704 руб. ассигнациями. Но масштаб явления впечатлял: хронические неплатежи тянулись с 77 рекрутского набора (то есть с 1806 г.), причем многие дворяне задолжали нескольким своим соседям сразу, а порой сами кредиторы также были должны. Возможность сбора денег уездные предводители дворянства оценивали достаточно скептически. Отчаявшийся вологодский губернский предводитель дворянства, нарушив субординацию, просил министра внутренних дел «о употреблении деятельных мер ко взысканию рекрутских складочных денег»¹¹.

В выставлении «натуральных» рекрутов со своих имен помещики Вологодской губернии также не проявляли должного рвения. Так, по 88 набору 1819 г. с 89 754 ревизских душ м.п. своих крестьян они должны были выставить 359 рекрутов. Из этого числа «натурой» в присутствиях в ходе набора было принято 315 человек и 21 рекрут был «зачтен по квитанции». Остальные 23 рекрута в набор 1819 г. в войска не поступили. Кроме того, в «недоимке с прошлых наборов» на помещичьих крестьянах значилось еще 8 рекрутов. На представителях других сословий также значились «недоимочные с прошлых наборов», но их было значительно меньше¹².

В последней четверти XVIII в. правительство во многом изменило практику подготовки и проведения рекрутских наборов, стремясь ее упорядочить. Была предпринята попытка изменить также и взаимоотношения с помещиками в сфере рекрутской повинности, предоставив «благородному сословию» больше свободы при раскладке повинности между именьями. Это, по-видимому, с одной стороны, должно было заинтересовать дворянство, минимизировав неизбежные при изъятии рабочей силы потери, а, с другой стороны, — «разгрузить» государственный аппарат на местах за счет привлечения к работе представителей местных дворянских корпораций — уездных и губернских предводителей дворянства. Однако, на практике был получен обратный результат — затруднение раскладки повинности, путаница, накопление большой «недоимки» и, соответственно, большое напряжение органов местного управления, даже несмотря на привлечение к работе уездных и губернских предводителей дворянства. Этому в немалой степени способствовали сложная система учета повинности по именьям и архаичная система временных рекрутских участков, от которых уже отказались в казенной деревне. В губерниях с высокой концентрацией мелкопоместного дворянства, как можно видеть на примере Вологодской губернии, ситуация во многом усугублялась. Требовалось принять действенные меры, изменив сам подход государства к взаимодействию с помещиками.

В первой трети XIX в. сложная внешнеполитическая обстановка и фактический провал программы по переводу воинских частей на военные поселения подтолкнули правительство России к модернизации системы рекрутской повинности, действовавшей в стране к тому моменту уже более, чем столетие. В 1831 г. был издан Рекрутский устав, которым была в основном закреплена схема раскладки рекрутской повинности по отдельным участкам, сложившаяся на рубеже XVIII—XIX веков. В трех «родах имений» (у мещан, государственных и удельных крестьян) рекрутские участки были унифицированы с низовым звеном системы административно-территориального деления (город или посад, волость, отделение удельного имения). Все это позволило избежать прежних «беспорядков» при распределении повинности. Учет и распределение очередей в участках мещан, государственных и удельных крестьян, определение кандидатур в рекруты (то есть «практическая раскладка») были поставлены под жесткий контроль чиновников губернской администрации. Более того, после 1831 г. государство, используя систему распределения рекрутских очередей (впоследствии — жеребьев), стало проводить целенаправленную политику в сфере рекрутской повинности, одновре-

менно направленную и на снижение тяжести рекрутской повинности для населения, и на улучшение отбора новобранцев в армию.

Государство в значительной степени изменило и свои взаимоотношения в сфере рекрутской повинности с помещиками. Каждое поместье было объявлено отдельным участком, отбывающим повинность самостоятельно, что упрощало изъятие рекрутов из крепостной деревни и прекращало многочисленные недоразумения, возникавшие ранее. Учет рекрутской повинности и контроль за ее исполнением теперь велись казенными палатами конкретно по каждому имению. Рекрутов «натурой» были обязаны ставить помещики, во владении которых находилось более 20 душ м.п. крепостных¹³.

Остальные дворяне, у которых насчитывалось менее 20 душ м.п., как «мелкопоместные владельцы», собирали со своих крестьян «складочные деньги» из расчёта 1000 руб. асс. (300 руб. сер.) за каждого рекрута, которых должны были выставить их крестьяне «по раскладке»¹⁴. Например, в Тотемском уезде в общий рекрутский набор 1855 г. (с 1000 душ по 10 рекрутов) 9 помещиков, которым принадлежало 970 душ крепостных крестьян м.п., должны были выставить 11 рекрутов. В это же время 12 помещиков Тотемского уезда, владевшие 119 крепостными, были обязаны уплатить за них 357 рублей серебром¹⁵. В целом, в Вологодской губернии насчитывалось довольно большое число мелкопоместных дворян, плативших «складочные деньги». По данным X ревизии из 1264 помещиков к ним относился 451 (35,7%). Они владели 4866 ревизскими душами м.п. крепостных крестьян (5,3% всех крепостных)¹⁶.

В ходе рекрутских наборов «поставка рекрутов» из имений помещиков всегда «замедлялась» — дворяне затягивали представление своих людей в рекрутские присутствия¹⁷. Так, в набор 1851 г., вологодский гражданский губернатор «по малоуспешности поставки рекрут с помещичьих имений Вологодского, Грязовецкого и Кадниковского уездов», 5 октября 1851 г. вынужден был «указать» земским исправникам принять законные меры «к высылке людей в рекрутские присутствия» и предписал губернскому предводителю дворянства П.А. Межакову «принять участие в этом лично». Всего помещики указанных уездов должны были выставить 124 рекрута. Судя по всему, какие-то «законные меры» принуждения были приняты, и через неделю, 13 октября, «...оказалось непоставленных только 57 человек»¹⁸. Начальники Вологодской губернии также регулярно отмечали в своих годовых отчетах, что на долю помещичьих крестьян приходилось больше всего «забракованных» — людей, не годных в рекруты по состоянию здоровья. Губернаторы объясняли этот недочет «недостаточным осмотром» — халатным отношением к предварительному освидетельствованию годности людей в рекруты в самих помещичьих имениях¹⁹. Тем не менее, в крепостной деревне Вологодской губернии в 1830 — 1850-е годы рекрутские наборы исполнялись в срок и практически «бездоимочно», и только в набор 1848 г. «одно 28 душное имение» не смогло выставить причитавшегося с него 1 рекрута²⁰.

По закону в руках помещиков было исключительное право назначать принадлежащих ему крепостных крестьян в рекруты по своему собственному выбору и устанавливать правила отправления рекрутской повинности. Рекрутская повинность при правильной постановке дела могла стать для владельцев имений источником неплохого дохода, что усиливало тяжесть рекрутчины для крестьян. В.А. Фёдоров пришел к выводу, что «в целях получения дополнительного дохода помещик широко использовал рекрутскую повинность, дававшую ему тройную выгоду: помимо значительной суммы выкупа за продажу рекрутских квитанций, она позволяла ему избавляться от «беспокойных» и пауперизированных элементов и сохранять зажиточную, наиболее платежеспособную часть крестьянства»²¹.

Однако, В.А. Александров, исследовавший эволюцию сельской общины в России в XVIII — начале XIX в., установил, что при исполнении рекрутских наборов в крепостной деревне «община была отнюдь не механическим исполнителем одной из важнейших государственных повинностей. Рекрутчина, как повинность сословного феодального государства, была немыслима и невозможна без общины, практически ее осуществлявшей... В реальных условиях своего существования общины на протяжении XVIII — начала XIX в. по-разному подходили к выполнению рекрутской повинности и в зависимости от обстоятельств заменяли одни принципы отбора рекрутов другими. Частнофеодальная власть обычно реже брала на себя инициативу в этом вопросе»²². Хотя помещики могли сдавать неугодных им лиц в рекруты, не считаясь с мнением общины. В.А. Александров определил, что, «...в общинах, принадлежащих разным помещикам, на протяжении XVIII — начала XIX в. прослеживается определенная закономерность в развитии систем несения повинности». Эти системы создавались на основе трех принципов, которые заключались в отборе рекрутов из числа большесемейных (многодетных) крестьян, из числа малодетных или «безхозяйственных» («непрочных»), либо на основе всеобщего охвата повинностью мужского состава общины. При этом устанавливалась определенная очередность, в соответствии с которой члены общины привлекались к повинности. Практиковались также сдачи в рекруты вне очереди «штрафных» крестьян, приобретенных частным образом людей и предоставление в присутствия купленных зачетных рекрутских квитанций. Порядок отправления рекрутской повинности крепостными крестьянами каждого поместья определялся многими причинами — отношением помещиков к различным имущественным группам крестьянства, установившимися традициями, но основным фактором были экономические процессы в русской деревне, включение деревни в товарно-денежные отношения. К началу XIX в. с расширением практики денежного откупа получил распространение «лично-семейный порядок несения рекрутской повинности с разложением долей рекрута на отдельных лиц одной семьи». В этом случае каждая семья должна была или откупить за каждого своего члена долю рекрута, причитающуюся на него, или же поставить рекрута натурой. Член семьи, уходивший в рекруты, «окупал» не только свою долю, но и доли своих родных, поэтому такая семья считалась «окупленной» и свободной от рекрутской повинности²³. В помещичьей деревне Вологодской губернии, по всей вероятности, действовала такая же система. Например, в имении А.И. Дружинина в Вологодском уезде применялся, по-видимому, лично-семейный порядок несения рекрутской повинности и также практиковался «окуп»²⁴.

В 1856—1862 гг. рекрутские наборы в России не проводились. Но в период подготовки крестьянской реформы для того, чтобы сохранить в своих руках как можно больше земли, многие российские помещики (особенно мелкопоместное дворянство) стали усиленно сдавать в рекруты своих крестьян. Это явление стало настолько распространенным, что император Александр II был вынужден особым указом от 5 ноября 1858 г. приостановить прием крепостных крестьян в рекруты в зачет будущих наборов²⁵. В Вологодской губернии такая практика также существовала, но, по-видимому, в меньших размерах²⁶.

После освобождения помещичьих крестьян от крепостной зависимости в 1861 г. у них была введена система управления по волостям, как и в государственной деревне. Всего в Вологодской губернии было образовано 88 таких волостей²⁷. Управление временно-обязанными крестьянами было передано вновь созданным губернским по крестьянским делам присутствиям, которым подчинялись съезды мировых посредников, мировые посредники,

волости и сельские общества крестьян²⁸. В 1863—1866 гг. в ходе крестьянских реформ под юрисдикцию присутствий поступили бывшие удельные и бывшие государственные крестьяне. Все это позволило унифицировать раскладку рекрутской повинности и проведение наборов среди крестьян — самой многочисленной группы населения страны — и, в конечном итоге, способствовало переходу к всеобщей воинской повинности.

Рекрутскую повинность бывшие помещичьи крестьяне Вологодской губернии отправляли теперь по правилам, принятым в государственной деревне. Известно, что в наборы 1870-х годов они должны были выставить 1703 рекрута, в число которых было сдано «натурой» 1607 человек (94,4%). Зачетные квитанции за себя представили в присутствия 96 человек (5,6% от числа рекрутов «по раскладке»). «Недоимочных» рекрутов не было. Следует добавить, что бывшие помещичьи крестьяне Вологодской губернии заменяли своих рекрутов зачетными квитанциями реже, чем мещане, но все-таки чаще, чем крестьяне государственные²⁹.

Подводя итог исследованию, необходимо отметить следующее. Активизация внешней политики России в последней четверти XVIII — начале XIX в. и постепенное на протяжении XIX столетия усложнение внешнеполитических условий потребовали от российского правительства напряженной работы, направленной на повышение боеспособности вооруженных сил и системы их комплектования. На первых порах государство упорядочило организацию рекрутской повинности среди тех податных сословий, которые не имели особого правового статуса и, таким образом, связанных с этим проблем и трудностей для работы органов государственного управления. В крепостной деревне государством также была предпринята попытка упорядочить рекрутскую повинность, но был использован иной подход. Осознавая сложность проблемы и недостаток собственных ресурсов, опасаясь негативной реакции помещиков, правительство предоставило «благородному сословию» больше свободы при формировании «рекрутских дач» и платеже «складочных денег», в то же время привлекая к работе по раскладке рекрутской повинности представителей местных дворянских корпораций — уездных и губернских предводителей дворянства. Однако, при этом, в крепостной деревне был сохранен прежний порядок образования временных рекрутских участков как более отвечающий интересам помещиков. В целом, созданная к началу XIX в. в крепостной деревне система организации рекрутской повинности оказалась достаточно сложной и запутанной, что не соответствовало первоначальному замыслу и общегосударственным задачам.

Ситуация была изменена только в 1831 г., когда в ходе общей модернизации рекрутской повинности в России было завершено создание системы распределения рекрутской повинности, охватывавшей все три уровня раскладки (по сословиям, по участкам, в самих участках), и государство стало определять все аспекты ее функционирования. Это позволило государству реализовывать на практике меры, направленные на улучшение комплектования армии и флота, ограничивая тяжесть повинности для населения. Помещичья деревня была встроена в эту систему, однако, здесь подход к распределению рекрутской повинности и в новых условиях значительно отличался от того, что был принят в «других родах имений». Учитывая интересы помещиков и охраняя их феодальные права и экономические интересы, государственная власть была вынуждена действовать достаточно осторожно, не вмешиваясь в отбор рекрутов внутри имений. Но контроль над раскладкой повинности по имениям, ставших отдельными участками, позволил значительно упорядочить проведение рекрутских наборов в крепостной деревне и уменьшить число «недоимочных» рекрутов. Отмена крепостного права в 1861 г. привела к унификации системы распределения рекрутской повинности

сти и проведения наборов у всех категорий крестьян. Следующим шагом стало введение в 1874 г. всеобщей воинской повинности.

Примечания

1. РЫНДЗЮНСКИЙ П.Г. Кутузов и русская армия в 1812 году. — В кн.: Военно-исторический сборник. М. 1948, с. 114; ФЁДОРОВ А.В. Русская армия в 50—70 гг. XIX века. Очерки. М. 1959; БЕСКРОВНЫЙ Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. М. 1958; ЕГО ЖЕ. Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России. М. 1973, с. 6—7; ПРУДНИКОВ Ю.Ф. Комплектование русской армии (1794—1804 гг.): автореф. канд. дис. М. 1972, с. 3—10; ШВЕДОВ С.В. Комплектование, численность и потери русской армии в 1812 году (К 175-летию Отечественной войны 1812 г.) — История СССР, 1987, № 4, с. 124; КРЫЛОВ В.М., ЖАРСКИЙ А.П. Николай I: «Когда настанет минута воззвать мне к России, она станет та же, как была в 1812 году». Совершенствование системы комплектования войск Российской армии в 60—70 годах XIX века — Военно-исторический журнал, 2004, № 10, с. 19—24; ДЬЯКОНОВ М.В. История рекрутской повинности. — Курский край. Научно-исторический журнал, 2005, № 10 (73), с. 43—48; ТОТФАЛУШИН В.П. Рекрутские наборы в Саратовской губернии в Отечественную войну 1812—1814 гг. — Известия Саратовского университета. Т. 7. 2007, с. 33—38.
2. ИНДОВА Е.И. Крепостное хозяйство в начале XIX века. По материалам вотчинного архива Воронцовых. М. 1955, с. 98—99; КОВАЛЬЧЕНКО И.Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М. 1967, с. 178—179; ФЁДОРОВ В.А. Помещичьи крестьяне центрально-промышленного района России конца XVIII — первой половины XIX в. М. 1974; АЛЕКСАНДРОВ В.А. Сельская община в России (XVII — нач. XIX в.). М. 1976; ПРОКОФЬЕВА Л.С. Крестьянская община в России во второй половине XVIII — первой половине XIX в. (на материалах вотчин Шереметьевых). М. 1981.
3. О сборе в государстве рекрут и о порядках, какие при наборах исполнять должно, также и о штрафах и наказаниях, кто как в приеме, так и в отдаче неистинно поступать будет: генеральное учреждение 29 сентября 1766 г. ПСЗ-1. Т. 17, № 12748; О наборе рекрут со ста душ по одному человеку: сенатский указ 2 сентября 1771 г. ПСЗ-1. Т. 19, № 13651; О сборе рекрут с 500 душ по одному человеку: именной указ 19 сентября 1776 г. ПСЗ-1. Т. 20, № 14509; О доставлении дворянским предводителям в отделенные при казенных палатах рекрутские присутствия, при каждом рекрутском наборе, ведомостей о рекрутах и о рекрутских складочных деньгах: сенатский указ 2 октября 1798 г. ПСЗ-1. Т. 25, № 18686.
4. Государственный архив Вологодской области (ГАВО), ф. 31, оп. 1, д. 28, л. 3.
5. Там же, ф. 85, оп. 2, д. 32, л. 7, 10.
6. Там же, ф. 31, оп. 1, д. 28, л. 259, 347—347об.
7. Там же, ф. 85, оп. 2, д. 32, л. 5—6; ф. 31, оп. 1, д. 9, л. 399.
8. Там же, ф. 31, оп. 1, д. 9, л. 408—408об., 409об., 438—438об., 440—440об.
9. Там же, д. 47, л. 1—143; д. 11, л. 22.
10. Там же, д. 9, л. 400—400об.; д. 18, л. 194—194об.
11. Там же, д. 43, л. 1, 6—7, 10—92, 113—114.
12. Там же, ф. 18, оп. 1, д. 413, л. 3об.—4.
13. Рекрутский устав 1831 г. ПСЗ-2. Т. 6, № 4677; ГАВО, ф. 1163, оп. 2, д. 3, л. 1—14; ф. 31, оп. 1, д. 187, л. 1—2; ф. 1160, оп. 1, д. 177, л. 9—19; д. 178, л. 81об.—98.
14. Рекрутский устав 1831 г. ПСЗ-2. Т. 6, № 4677.
15. ГАВО, ф. 688, оп. 1, д. 245, л. 15—17.
16. ЦИНМАН А.З. Кризис помещичьей системы хозяйства в Вологодской губернии в первой половине XIX в. В кн.: Материалы по истории местного края. Ученые записки кафедры истории. Вологда. Т. 35. 1967, с. 103.
17. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1263, оп. 1, д. 1780, л. 431.
18. ГАВО, ф. 31, оп. 1, д. 673, л. 1—9.
19. РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 1637, л. 646об.; д. 1934, л. 812об.; д. 2101, л. 1289.
20. Там же, д. 2015, л. 662.
21. ФЁДОРОВ В.А. Ук. соч., с. 241.
22. АЛЕКСАНДРОВ В.А. Ук. соч., с. 292.
23. Там же, с. 246, 247, 258—259.
24. ГАВО, ф. 671, оп. 1, д. 167, л. 1—69.
25. ФЁДОРОВ А.В. Ук. соч., с. 53.
26. ГАВО, ф. 771, оп. 1, д. 932, л. 1—5; д. 933, л. 1—1об.
27. Там же, ф. 388, оп. 1, д. 7752, л. 1—6об.
28. Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости: общее положение 19 февраля 1861 г. ПСЗ-2. Т. 36, № 36657.
29. РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 3552, л. 344 об.—345; д. 3595, л. 269об.—270; д. 3722, л. 347об.—348.